

ХОЧЕТСЯ ВЫРАЗИТЬ НЕВЫРАЗИМОЕ...

ЛИРИЧЕСКИЙ ЭТЮД

На мой взгляд, дети счастливее нас, взрослых. И не потому, что растут они беззаботно, как цветы на лугу. Просто у детей есть одно огромное преимущество перед нами: они впечатлительнее нас, и потому им в большей мере, чем нам, присуще не передаваемое словами ощущение радости бытия.

...Скрип-скрип... — скрипит снежок на дороге. Рядом с большими ногами топают маленькие ножки. Ножкам в валеночках тепло, хорошо. И ручкам в варежках хорошо. И Мороз-Красный нос, как он ни старайся, не заберется за шиворот: мама хорошенько укутала Вадика. И пусть скользко, Вадик не упадет — его крепко держит за руку папа.

А тут еще птичка бухнулась с ветки в сугроб и давай в нем купаться! Вадик смотрит на воробья широко раскрытыми глазами, уж прошли, а он все-то оглядывается и вдруг заливается звонким смехом.

В детстве все приносит радость...

Вот на завалинке снег растаял. Вскарابкаешься на завалинку, пройдешься по влажной бурой земле, и на ней останутся глубокие следы. Скоро можно будет тайком от матери скинуть обувь и пробежаться перед домом по едва пробившейся из-под прохладной еще земли зеленой травке.

Это ли не радость!

А погоня за ястребом («Шугу-шугу, в лесу твой дом горит!»)? А переправа на лодке через реку? А низка спелых ягод земляники, наколотых на тонкий стебель травинки? Все-все несет с собой радость, радости так много, что она не вмещается в маленьком сердце, и ре-

бенку хочется с кем-нибудь ею поделиться. «Отнесу ягоды бабушке к чаю», — решает он.

Дети добрые...

Мое детство кончилось вдруг, в один день.

В тот день, как всегда, мы собрались у Петькиного дома. Вот из дому выходит и Петька.

— Айда на лужайку играть в мяч, — предлагает он, и мы наперегонки бросаемся на лужайку.

Есть такая игра. Все собираются в кружок, кто-нибудь подбрасывает мяч высоко вверх и выкрикивает чье-либо имя. Названный должен как можно скорее поймать мяч и крикнуть «стоп!» разбегающимся во все стороны игрокам. Худо тому, кто не успел отбежать далеко: водящий непременно его запятнает.

«Сто-о-о-п!» — что есть силы кричу я, поймав выпрыгнувший было из рук мяч. Товарищи мои застывают в самых невероятных позах там, где застал их окрик. Я оглядываюсь кругом, выбирая самую удобную мишень. Как далеко все успели отбежать! И вместо того, чтобы размахнуться изо всех сил, я вдруг почему-то бросаю мяч, почти не замахаясь. Он вяло катится по траве и останавливается далеко от цели.

— Тебе водить! — кричат мне, но я и не думаю идти за мячом. «Не хочу», — заявляю сумрачно и опускаюсь на траву...

После я не раз приходила на место наших детских игр, но что бы ни придумывал неугомонный Петька, — все казалось скучным.

Скоро это, очевидно, почувствовали и остальные, потому что все реже собирались мы на лужайке, все чаще у кого-нибудь оказывались дома «дела», и он не приходил, а потом лужайка

навсегда опустела...

Каждый из нас в то время носил в себе неосознанное грустное ощущение какой-то утраты: вот-де был праздник, было задорно, радостно, звонкоголосо, а теперь ничегошеньки от этого не осталось. Почему так?

Невдомек было нам, что это ушло от нас детство, а на смену ему пришло отрочество — пора смутных предчувствий близкой юности и грядущей с нею любви, которая даже далеко не юных людей делает детьми, возвращая им первозданную свежесть чувств и остроту восприятия мира...

— Что с тобой?

— Это так... дым от костра... Я прошу тебя: не стой в дыму... Если ты не хочешь подойти ко мне — не подходи. Но только уйди от дыма...

Слова твои заставили мою руку с хворостом на миг застыть над костром.

— Ты ничего не знаешь, а то бы не стояла в дыму,— повторил ты и надолго умолк. Я терпеливо ждала, когда ты снова заговоришь.

— Тогда ты была совсем девчонкой,— начал ты,— вернее, мальчишкой, потому что нам ни в чем не уступала. Скорее наоборот.

Пошли мы как-то в лес за орехами, нам попалась большая орешня — настоящее дерево. Пока мы думали, как нам быть, ты, как белка, вскарабкалась на него и давай осыпать нас ореховой шелухой: «Мне зерно, вам скорлупки!»

Но я не о том...

Вкус картошки, которую испекла ты сегодня для меня на костре, напомнил мне другой костер — тот самый, который в детстве жгли мы из картофельной ботвы.

Для нас это было настоящим праздником — своеобразные проводы лета. Мы веселились как могли: пекли и ели картошку, прыгали через огонь — кто выше. А потом ты придумала новую забаву.

Пока ботва не подсохнет и не загорится ярким пламенем, дым от нее валом валит и стелется над землей.

— Давайте, кто больше всех про-

стоит в дыму,— сказала ты и первая шагнула в дымовую завесу.

— Раз, два, три... десять,— считали мы и ждали: сейчас ты выскочишь. Но ты, заломив руки, стояла и стояла в густом дыму, одни только ноги виднелись. А лицо твое то смутно проступало, то вновь заволакивалось серыми клубами, и казалось, что ты уплываешь вместе с ними...

— Сорок один, сорок два, сорок три...— подкладывали мальчишки в костер ботву. И вдруг в какой-то миг я увидел, как исказилось твое лицо.

— Люся!!!— бросился я к тебе. Ты, наконец, вырвалась из дымного плена и, задыхаясь и кашляя, опустилась на межу.

Я схватил жестянку с водой, поднес ее к твоему рту.

Никогда так близко я не видел твоего лица, и теперь мне показалось, будто я увидел его впервые.

Губы твои приоткрылись, словно от удивления, в широко раскрытых карих глазах я не нашел привычного озорного огонька — в них красиво колыхались языки пламени.

Это было так ново и неожиданно для меня, что я смутился, и в следующую минуту, чтобы скрыть смущение, подбросил жестянку в воздухе и ударил по ней ногой...

Куда же ты исчезла потом? Я искал тебя всюду, но не находил. Ты как будто нарочно спряталась от меня...

Шли годы, ты не показывалась и не подавала голоса... И тогда я решил, что все это только пригрезилось мне — дым костра, твое лицо... И стал жить так, как живут все, у кого нет тебя...

Тут в первый раз за все время ты взглянул мне в лицо и тотчас же отвел глаза в сторону. Но я успела заметить, как влажно блеснул в них огонь костра и как дрогнули твои губы, тронутые улыбкой.

— Все равно ты ничего не понимаешь,— помолчав, сказал ты. Но в голосе твоём

звучала радость. И тревога:
— Я прошу тебя только об одном
— не стой в дыму...

...Сумерки зимние—синие-
синие...

Дали в серебряном мареве инея.
От тишины ли, от мягкого ль
холода

Сердце заныло так молодо-
молодо.

Хочется выразить невыразимое...
Сумерки синие, сумерки зимние!

Когда-то эти стихи я прочла в газете. В какой именно — не помню. И автора тоже забыла. А вот стихи сами собой заучились и навсегда остались в памяти...

Поэты, как и влюбленные, всего лишь большие дети. Желание, которое испытывает поэт, стремясь донести до людей мир своей души, кажущийся ему прекрасным, похоже на желание ребенка принести бабушке ягод...

Я задумчиво бреду по городу, над которым с каждым шагом сгущаются синие сумерки, дышу морозным воздухом, смотрю на прохожих, вспоминаю детство, тебя, стихи... И мне, как и поэту, хочется выразить невыразимое: что вот город наш перед Новым годом стал таким нарядным и красивым — нити разноцветных лампочек заплелись в простенках улиц, елка в сквере пошевеливает ветвями, увешанными игрушками; что вот даже неживые синтетические елочки, выставленные в окне магазина, и те пахнут лесом, будят в памяти уснувшие сказки про Деда-Мороза, Снегурочку, про добрых лесных зверей; что вот кажется, будто остались в городе сегодня одни счастливые люди, то есть дети, влюбленные и поэты...